

Между «старым государством» и «новой империей»

Весной 1939 года Шмитт пишет труд под названием «Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию чуждых пространству сил; к понятию рейха в международном праве». Шмитт вводит в науку международного права понятие «большого пространства» — которое является, в отличие от нейтрального, математически-физического понятия пространства, конкретным, историко-политическим понятием.

Доктрина Монро: от изоляционизма к интервенционизму

В качестве первого проявления принципа «большого пространства» в новой истории международного права Шмитт называет провозглашенную в 1823 году американскую *доктрину Монро*. Ее можно кратко охарактеризовать тремя тезисами: независимость американского континента; недопустимость колонизации в этом пространстве; недопустимость интервенции неамериканских государств в этом пространстве.

С течением времени доктрина Монро превратилась из принципа отказа от иностранных вмешательств в оправдание империалистических интервенций Соединенных Штатов в другие американские государства. Государственный секретарь Хьюс в 1923 году сказал, что определение, интерпретация и санкции

онирование доктрины Монро — это дело только правительства США. Только США могут сказать, в чем состоит смысл доктрины Монро.

Подлинная и первоначальная доктрина Монро противостояла монархически-династическому принципу легитимности. Этот принцип освящал тогдашнее status quo европейского соотношения сил, возвышал абсолютную и легитимную монархию до стандарта международно-правового порядка и оправдывал на этой основе интервенции европейских великих держав в Испанию и Италию. Он должен был бы последовательно привести к вмешательству в государства американского континента. Доктрина Монро говорила, что европейцы не должны вмешиваться в пробудившееся к самосознанию, политическое большое пространство. Это политическая идея, которая соединяется в доктрине Монро с большим пространством «Америка».

Здесь, как считает Шмитт, заключена сердцевина великой первоначальной доктрины Монро, подлинный принцип большого пространства — то есть сочетание политически пробудившегося народа, политической идеи и политически овладевшего этой идеей, исключая чуждые интервенции большого пространства. Не сама доктрина Монро, но ее суть — идея порядка больших пространств в праве народов — переносима на другие пространства, другие исторические ситуации и другие разделения на группы друзей и врагов.

Особым периодом в истории этой правовой доктрины является оправдание капиталистического империализма, для которого президент Теодор Рузвельт на рубеже XIX-XX веков использовал доктрину Монро. Оборонительную идею пространства смогли сделать основанием «Dollar Diplomacy». Президент Вудро Вильсон в своем послании Конгрессу 22 января 1917 года предложил, чтобы все народы мира приняли учение президента Монро в качестве «мировой доктрины», в смысле свободного права на самоопределение всех народов. Здесь налицо желание растворить конкретную, пространственно определенную идею порядка в универсалистских «всемирных» идеях и тем самым превратить здоровое ядро международно-правового принципа большого пространства с запретом на интервенцию

в империалистическую пан-интервенционистскую всемирную идеологию, вмешивающуюся во все под гуманитарными предлогами. Итак, доктрина Монро благодаря Т.Рузвельту и В.Вильсону была перетолкована в универсалистско-империалистическую мировую доктрину. Это было фальсификацией подлинного принципа большого пространства с запретом на интервенцию. Вышеназванное **послание президента Вильсона 22 января 1917 года означает момент, когда политика США отворачивается от родной земли и вступает в союз с мировым империализмом британской империи**.

Другой противоположностью изначальной доктрине Монро является либерально-индивидуалистическая и поэтому универсалистская конструкция *защиты прав меньшинств*, присущая Женевской Лиге наций. Эта конструкция была основой проводимой Женевской Лигой политики контроля и интервенции. Согласно Шмитту, разработка и проведение регулятивных принципов жизнеустройства Германии — не дело чуждых пространству сил, то есть не дело западноевропейских демократий, а дело американского правительства, но дело держащих это пространство народных и государственных сил, в особенности Германского Рейха. На основе этой политики невмешательства в рамках средне- и восточноевропейского пространства должен был выработаться принцип взаимного уважения каждой народности, который означает *отказ от всех идеалов ассимиляции, абсорбции и плавильного котла* и выводит «окологерманское» большое пространство из-под Версальской системы защиты прав меньшинств.

«Империя», «Рейх», «Государство-цивилизация»...

Для обозначения величины, которая приходит на смену современному государству, Шмитт использует понятие рейха. Рейхами в этом смысле являются ведущие и несущие силы, политическая идея которых «излучается» в определенном большом пространстве и которые исключают в этом пространстве интервенции чуждых пространству сил. Большое пространство

не тождественно рейху в том смысле, чтобы сам рейх был тем большим пространством, которое он охраняет от интервенций; не каждое государство внутри большого пространства — само по себе часть рейха. (Точно так же, при признании доктрины Монро речь не шла о том, чтобы объявить Бразилию или Аргентину составными частями США.) Но каждый рейх обладает большим пространством, в котором излучается его политическая идея и которое не должно подвергаться опасности интервенций. Связь рейха, большого пространства и принципа запрета на интервенции является основополагающей.

В то время, как «*Imperium*» зачастую имеет значение универсалистского, охватывающего мир и человечество, то есть наднационального, образования, «*Рейх*» по Шмитту определяется народно и является *не-универсалистским правовым порядком* на основе уважения каждой народности. В то время, — говорит Карл Шмитт, — как «империализм» с конца XIX века стал лозунговым названием экономически-капиталистических методов колонизации и экспансии, слово Reich осталось незапятнанным. Сегодня, после крушения фашизма, и слово рейх не свободно от позорного пятна. Слово «империя» вызывает ненужную напряженность. Поэтому, как представляется, верным обозначением России было бы предложенное М.Ремизовым название «*государство-цивилизация*», данное в противовес классическому определению «государство-нация».

Впрочем, Шмитт не склонен умалять заслугу института под названием «государство». В понятии государства содержится минимум внутренней организации и внутренней дисциплины. Сюда относятся также высокие духовные и нравственные качества, и далеко не каждый народ как таковой дорос до этого минимума организации и дисциплины. Особенно война имеет свое право и свой порядок существенно в том, что она является войной государств. Это похоже на дуэль, в которой с обеих сторон противостоят друг другу имеющие право «сделать вызов» люди чести. В этой международно-правовой системе **война представляет собой отношение порядка к порядку, а не порядка к беспорядку**. Это последнее отношение порядка к беспорядку является гражданской войной.

Понятие большого пространства как государства-цивилизации сохраняет содержащиеся в понятии государства элементы порядка и способно справиться с сегодняшними представлениями о пространстве, способно мыслить «планетарно», то есть учитывать пространство Земли, не уничтожая народы и не стремясь перейти, как империалистическое международное право западных демократий, от теряющего актуальность старого понятия государства к универсалистски-империалистическому всемирному праву.

«**Большое пространство**»: единство «права» и «места»

Шмитт пишет, что большое пространство не является *относительно* большим пространством, то есть не представляет собой увеличенное малое пространство. Нужно преодолеть нейтральность прежнего понятия пространства. Прибавление слова «большой» должно изменить понятийное поле. Вместо пустого измерения, в котором движутся физические предметы, появляется сопряженное *пространство достижения*, как оно принадлежит наполненному историей рейху, который приносит с собой и несет в себе свое собственное пространство, свои внутренние меры и границы.

Шмитт упоминает Фридриха Ратцеля, который показал, что овладение пространством является признаком всякой жизни, и Макса Планка, чья квантовая физика упраздняет пространство, разлагая любой процесс движения на отдельные, периодические волны материи. В пространстве явлен конкретный порядок и местоположение. Каждый конкретный порядок и общность обладают специфическими содержаниями места и пространства. В этом смысле можно сказать, что **любое правовое учреждение, любой институт заключает в себе свою идею пространства** и поэтому привносит с собой свою внутреннюю меру и свою внутреннюю границу. Например, к родству и семье «принадлежат» дом и двор. Шмитт пишет: «Такое слово как «мир», которое с XIX века стало частично эмоционально расплывчатым, частично абстрактным обозначением, живет

в мысли о порядке немецкого Средневековья всегда местно и конкретно: как мир в доме, как мир на рынке, сохранение мира в замке, мир вещей, церковный мир, общественный мир. Всегда с конкретным порядком в понятийно-правовом отношении связано и конкретное местоположение».

Идея большого пространства служит тому, чтобы преодолеть монопольное положение пустого понятия государственной территории и в международно-правовом и конституционном смысле возвысить государство-цивилизацию до понятия правового мышления.

Конституция России. Новый строй

М.: Институт национальной стратегии, 2005. Тираж 2000 экз., 122 с.

© Институт национальной стратегии
© Агентство политических новостей

ISBN: 5-7333-0128-7
